

Вопросы философии и психологии

Книга 28

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
В74

В74 Вопросы философии и психологии: Книга 28 / – М.: Книга по Требованию,
2021. – 250 с.

ISBN 978-5-458-04678-7

Вопросы философии и психологии. Состоит из 137 книг.

ISBN 978-5-458-04678-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Генезисъ и развитіе музыки.

Три выдающихся натуралиста нашего столѣтія, изъ которыхъ имена первыхъ двухъ извѣстны всему цивилизованному міру: Спенсеръ, Дарвинъ и Вейсманнъ, посвятили свое вниманіе вопросу о возникновеніи, а частью и о развитіи музыки.

Спенсеръ на основаніи собраннаго имъ матеріала высказалъ предположеніе, что музыка получила свое начало отъ рѣчи.

Дарвинъ, ссылаясь на данныя зоологіи, полагаетъ, однако, что съ этимъ нельзя согласиться на томъ основаніи, что голосъ получилъ начало *до возникновенія членораздѣльной рѣчи*, и даетъ свое объясненіе предмету. Ученый этотъ полагаетъ, что музыкальное искусство явилось плодомъ *полового подбора* и стоитъ внѣ подбора естественнаго, въ основѣ котораго лежитъ принципъ пользы.

Вейсманнъ, утверждая, что объясненіе Спенсера не вѣрно, и въ этомъ отношеніи сходясь съ Дарвиномъ, даетъ, однако, иное объясненіе явленію, чѣмъ этотъ послѣдній. Вотъ что мы читаемъ въ его „Essais sur l'hérédité et la sélection naturelle (франц. пер. Varigny, стр. 478).

„Половой подборъ не даетъ объясненія явленію, даже въ такомъ случаѣ, если онъ игралъ какую-нибудь роль при возникновеніи пѣнія у первобытнаго человѣка. Не только въ настоящее время, но съ незапамятныхъ временъ выборъ мужчины— такъ же, какъ и женщины, опредѣлялся иными

факторами, нежели музыкальными способностями, а именно: молодостью, красотой, силою, и не въ меньшей степени—умомъ.“

„Нельзя предполагать, чтобы люди, не обладающіе голосомъ и не имѣющіе музыкальнаго дарованія, непременно, или часто, отвергались женщинами—какъ въ наше время, такъ и въ отдаленныя эпохи человѣческой исторіи, намъ доступныя.“

„Это обстоятельство исключаетъ всякую возможность развитія музыкальныхъ способностей путемъ полового подбора“.

Такимъ образомъ, Вейсманнъ, полагая вмѣстѣ съ Дарвиномъ, что генезисъ музыки долженъ быть отнесенъ за предѣлы возникновенія членораздѣльной рѣчи, ищетъ ключъ къ объясненію явленія не въ половомъ, а въ *естественномъ подборѣ*.

Ниже мы коснемся этого предмета еще разъ съ большею подробностью, а здѣсь ограничимся лишь слѣдующей поддержкой изъ цитируемой статьи автора. „Мнѣ кажется,—говоритъ онъ (стр. 493),—„что нужно искать генезиса музыкальнаго чувства совершенно въ другомъ направленіи; оно получило начало не какъ нѣчто независимое, преднамѣренное, а какъ дополнительная способность нашего слухового органа. Органъ этотъ былъ необходимъ въ борьбѣ за существованіе; онъ возникъ путемъ подбора полезныхъ признаковъ и этимъ путемъ доведенъ до высочайшей степени совершенства“.

Собранные названными учеными — Спенсеромъ, Дарвиномъ, Вейсманномъ и другими — факты, при ближайшемъ ихъ разсмотрѣніи, доказываютъ намъ, однако, на мой взглядъ, по крайней мѣрѣ, что вопросъ о возникновеніи способности издавать музыкальные звуки не должно смѣшивать съ генезисомъ музыки, какъ искусства, и что если рѣшеніе перваго изъ нихъ мы должны искать въ области физиологіи, то рѣшеніе второго—въ области психологіи. Другими словами, что между вопросомъ о возникновеніи музыкальнаго звука,—задача, которую имѣлъ въ виду Дарвинъ,—и музыки, какъ искусства,—которую имѣлъ въ виду

Спенсеръ,—существуетъ приблизительно такое же различіе, а съ тѣмъ вмѣстѣ и такая же связь, какъ между физиологіей и психологіей.

Отъ этихъ предварительныхъ замѣчаній обратимся къ фактамъ, изложеніе которыхъ начнемъ съ разсмотрѣнія органовъ слуха, поскольку знакомство съ ними необходимо для нашей задачи.

Г л а в а I.

Генезисъ и развитіе слухового аппарата.

Въ своемъ законченномъ видѣ аппаратъ, служащій у человека для воспріятія музыкальных звуковъ и превращенія ихъ въ соотвѣтствующія ощущенія, складывается изъ слѣдующихъ частей.

Наружное ухо состоитъ изъ *ушной раковины* и слухового прохода который проникаетъ до извѣстной глубины въ черепъ; роль этихъ органовъ—собирать и направлять звуковыя волны къ *среднему уху*; это послѣднее отдѣляется отъ наружнаго тонкою перепонкой, которая называется *барабанной*; въ полости средняго уха находится система слуховыхъ косточекъ; полость эта выполнена воздухомъ, который возобновляется помощью, такъ называемой, евстахией трубки, открывающейся въ полость глотки. Далѣе за среднимъ ухомъ помѣщается *внутреннее ухо*, которое отдѣляется отъ средняго сложно устроенной перегородкой. Строеніе внутренняго уха въ высшей степени сложно; оно выполнено жидкостью (лимфой). Такъ какъ для нашей цѣли нѣтъ надобности въ разсмотрѣніи всѣхъ входящихъ въ составъ этого органа частей, то мы для упрощенія остановимся лишь на тѣхъ, которыя намъ необходимы, а именно, на помѣщающемся въ улиткѣ внутренняго уха *органѣ Корти*. Органъ этотъ состоитъ изъ многихъ тысячъ нитевидныхъ упругихъ волоконъ, на подобіе струнъ, натянутыхъ между соотвѣтствующими частями слухового аппарата; волокна эти различной длины; у человека ихъ насчитываютъ около 15.000. Гельмгольцъ приравниваетъ эти

волокна къ струнамъ арфы или фортепіано и принимаетъ, что ихъ колебанія (по созвучію) вызываются у каждой лишь однимъ соотвѣствующимъ волокну звукомъ. Отсюда самый этотъ аппаратъ, по мнѣнію ученаго, представляетъ собою орудіе, отлично приспособленное къ анализу музыкальных звуковъ, такъ какъ сложный звукъ, вызывая колебанія такого количества струнъ (волоконъ), какое входитъ въ его составъ, заставляетъ вибрировать лишь тѣ изъ волоконъ, которыя могутъ колебаться съ однимъ изъ входящихъ въ составъ сложнаго звуковъ.

Въ непосредственной связи съ каждымъ такимъ волокномъ находится одна слуховая клѣтка, которая въ тоже время соединяется и съ слуховымъ нервомъ. Клѣтокъ этихъ, стало быть, столько же тысячъ, сколько и волоконъ, и каждая изъ нихъ, очевидно, вибрируетъ лишь при одномъ опредѣленномъ звукѣ. Вызванная къ дѣятельности слуховая клѣтка посредствомъ слуховаго нерва передаетъ свое раздраженіе воспринимающему слуховыя раздраженія центру головного мозга.

Но этимъ дѣло еще не оканчивается.

Для уразумѣнія дальнѣйшаго процесса необходимо сказать нѣсколько словъ о такъ называемыхъ, объективныхъ и субъективныхъ ощущеніяхъ.

Каждому изъ насъ извѣстны случаи такъ называемаго, „звона въ ушахъ“, когда, въ зависимости отъ разныхъ обстоятельствъ, ничего общаго съ звукомъ не имѣющихъ, наши органы слуха заставляютъ насъ слышать не существующіе звуки, иногда въ такой степени ясные и опредѣленные, что они вводятъ насъ въ обманъ (галлюцинаціи слуха).

Во всѣхъ этихъ и имъ подобныхъ случаяхъ *источникомъ слуховыхъ ощущеній* являются не внѣшнія, а внутреннія причины, аналогичныя тѣмъ, напримѣръ, которыя у человека, страдающаго мигренью, вызываютъ иногда рядъ зрительныхъ ощущеній, очевидно, не имѣющихъ никакого отношенія къ внѣшнему міру.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что не всѣ испытываемыя нами

слуховыя ощущенія имѣютъ одинъ и тотъ же источникъ. Иногда—и это, разумѣется, въ огромномъ большинствѣ случаевъ—этимъ источникомъ является *среда*, т.-е. внѣшній міръ, иногда—гораздо рѣже—міръ нашихъ внутреннихъ органовъ. Ощущенія перваго рода называются *объективными* (т.-е. происходящими отъ внѣшнихъ предметовъ); во второмъ—*субъективными* (т.-е. происходящими въ зависимости отъ процессовъ, которыхъ источникомъ являются органы наблюдателя).

Въ чемъ же лежитъ анатомио-физиологическій субстратъ этого явленія?

Исслѣдованія, произведенныя съ цѣлью рѣшенія вопроса, приводятъ насъ къ тому заключенію, что ощущенія слуха (равно какъ и другихъ органовъ чувствъ) зависятъ собственно не отъ возбужденія органовъ слуха и даже не отъ дѣятельности этихъ самыхъ органовъ, т.-е. не отъ внѣшняго, средняго и внутренняго уха, а отъ возбужденія тѣхъ частей головного мозга, которыя воспринимаютъ звуковыя раздраженія и перерабатываютъ ихъ въ соотвѣтствующія ощущенія. Такимъ образомъ, ухо со всѣми его частями составляетъ, такъ сказать, лишь первую инстанцію въ процессѣ; слуховой нервъ соединяетъ эту первую инстанцію со второй, т.-е. съ *воспринимающими слуховыя раздраженія центрами* головного мозга. Воспринятые этими центрами впечатлѣнія передаются, наконецъ, изъ этой второй въ третью и послѣднюю инстанцію—въ корковый слой большихъ полушарій, гдѣ эти воспріятія субкортикальных центровъ и превращаются въ сознательныя ощущенія.

Всякое раздраженіе какой бы то ни было изъ двухъ первыхъ инстанцій въ концѣ концовъ достигаетъ находящихся съ ними въ соединеніи частей большого мозга и производитъ слуховыя ощущенія, для которыхъ въ кортикальномъ слоѣ большихъ полушарій головного мозга существуетъ опредѣленная анатомическая территория, въ свою очередь соединенная ассоціаціонными путями съ другими территориями головного мозга.

Если у собаки или обезьяны, наприм., уничтожить слуховую территорию головного мозга, то животные эти дѣлаются глухими, хотя ихъ слуховой органъ ничуть не поврежденъ. Слухъ продолжаетъ преобразовываться въ нервное раздраженіе посредствомъ слухового аппарата; соотвѣтствующія каждому звуку раздраженія доставляются по-прежнему къ головному мозгу, но здѣсь уже нѣтъ органа, способнаго преобразовать эти звуки въ музыкальныя ощущенія, и вотъ животные, обладая здоровыми и нормально устроенными органами слуха, оказываются „психически глухими“. Съ другой стороны, при удаленіи всѣхъ частей слухового аппарата, за исключеніемъ одной только слуховой территоріи большихъ полушарій, способность къ звуковымъ чувствованіямъ не утрачивается; композиторская дѣятельность Бетховена за послѣдніе годы его жизни служить этому блестящимъ доказательствомъ.

Итакъ, слуховой аппаратъ въ его цѣломъ представляетъ собой очень сложно организованное цѣлое, въ которомъ первую инстанціей является *наружное ухо*. Оно воспринимаетъ колебанія воздуха въ формѣ звуковыхъ волнъ. Волны эти, пройдя слуховой проходъ, достигаютъ барабанной перепонки и передаются по системѣ слуховыхъ косточекъ перегородкѣ, отдѣляющей среднее ухо отъ внутренняго, и лимфѣ, выполняющей внутреннее ухо. Здѣсь, по созвучію, начинаетъ вибрировать то или другое слуховое волокно и соединяющаяся съ нимъ слуховая клѣтка. Раздраженіе этихъ органовъ Корти передается по слуховому нерву, воспринимающему слуховыя впечатлѣнія, къ центру головного мозга и наконецъ, по идущимъ отсюда слуховымъ нервамъ къ слуховой территоріи кортикальнаго слоя большихъ полушарій головного мозга, гдѣ слуховыя впечатлѣнія и превращаются въ сознательныя слуховыя ощущенія.

Органъ слуха собственно, по мнѣнію Вейсмана, развитъ у человѣка не болѣе, чѣмъ у многихъ животныхъ, и устройство его не отличается ничѣмъ, что давало бы намъ право предполагать въ немъ какія-нибудь особыя способности,

сравнительно съ ухомъ высшихъ млекопитающихъ животныхъ, способныхъ слышать музыку.

Однако, ни кошки, ни собаки, ни другія животныя, способныя слышать человѣческую музыку, не организованы такъ, чтобы они могли понимать ее; ихъ слуховой органъ, который можно разсматривать какъ результатъ естественнаго подбора, не развивался съ тою цѣлью, чтобы дать возможность кошкѣ и собакѣ сочувствовать человѣческой музыкѣ, ибо это имъ не принесло бы ни малѣйшей пользы въ борьбѣ за существованіе. Къ тому же они съ своимъ слуховымъ органомъ гораздо древнѣе человѣка съ его музыкой. Такимъ образомъ, способность этихъ животныхъ слышать музыку должна была явиться случайнымъ *дополненіемъ* слухового аппарата, который сдѣлался такимъ, какимъ мы его видимъ на дѣлѣ, по другимъ причинамъ. Точно то же и съ человѣкомъ: и онъ не получилъ свое музыкальное ухо, какъ таковое, а получилъ путемъ подбора очень тонкій, въ высокой степени развитой въ борьбѣ за существованіе слуховой органъ, который случайно оказался пригоднымъ и для слушанія музыки. Итакъ, способность различать музыкальные звуки должна была имѣть мѣсто уже тогда, когда еще не существовало человѣка.

Мы не знаемъ нашихъ непосредственныхъ предковъ, но, весьма вѣроятно, что и они уже обладали почти такимъ же слуховымъ органомъ, какъ человѣкъ, намъ современный, потому что у каррикатуръ нынѣшняго человѣка, обезьянъ, онъ развитъ почти въ такомъ же совершенствѣ. Разница тамъ, гдѣ она можетъ быть указана, является не качественной, а количественной. Чѣмъ болѣе, напримѣръ, слуховыхъ волоконъ въ улиткѣ, чѣмъ болѣе въ ней слуховыхъ клѣточекъ, тѣмъ тоньше и полнѣе слышитъ животное, о которомъ идетъ рѣчь. Измѣренія и вычисленія Ретціуса удостовѣряютъ, что у человѣка 15.000 этихъ слуховыхъ клѣточекъ, у кошки 12.500, у кролика 7.800; изъ чего слѣдуетъ, что слухъ у человѣка болѣе совершененъ, нежели у этихъ двухъ животныхъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что количество слуховыхъ

клѣточекъ у людей, хотя бы и одной расы, не одинаково; обстоятельство это объясняетъ, почему нѣкоторые индивидуумы слышать менѣе точно, или слышать менѣе низкіе или высокіе звуки, чѣмъ другіе.

Такимъ образомъ, если слуховой музыкальный аппаратъ въ своихъ главныхъ частяхъ одинъ и тотъ же у кошки или кролика, что и у человѣка, различаясь съ нимъ лишь степенью развитія, то, — спрашиваетъ Вейсманнъ, — какимъ же образомъ могъ онъ выработаться, когда вырабатываются только *полезные* органы? Для животныхъ, у которыхъ нѣтъ музыки, должно быть безразлично, обладаютъ они, или нѣтъ, музыкальнымъ ухомъ, и поэтому происхождение ихъ слуховаго аппарата должно было имѣть своей исходной точкой другія потребности. Но какія?

Какимъ образомъ могла быть полезной для млекопитающихъ въ борьбѣ за существованіе способность ясно различать также огромное количество звуковъ, на которое оказывается способнымъ ихъ слуховой аппаратъ?

Вейсманнъ даетъ на эти вопросы нижеслѣдующій отвѣтъ.

Дикія животныя, говоритъ онъ, нуждаются въ очень тонкомъ слухѣ; напримѣръ, плотоядныя животныя, какъ кошки, прежде всего должны быть въ состояніи слышать и различать всѣ звуки, издаваемые животными, служащими имъ добычею. Одно это уже должно было выработать способность различать многообразный рядъ звуковъ, который для нашей дикой кошки, наприм., начинается съ воркованія голубя, пѣнія кукушки, дрозда, зяблика, жаворонка и кончается способностью различать малѣйшій шорохъ осторожной мыши или землеройки. Рядомъ съ этимъ также необходимо, чтобы дикое животное было способно слышать звуки, производимые его врагами, и отличать ихъ какъ отъ другихъ, такъ и другъ отъ друга.

Такимъ образомъ, слуховой аппаратъ млекопитающихъ животныхъ долженъ былъ совершенствоваться путемъ естественнаго подбора до способности воспринимать и низкіе, и очень высокіе звуки. Это было необходимо для того, что-

бы органъ слуха давалъ возможность животному всегда и въ точности знать: происходитъ ли звукъ отъ врага его или отъ животнаго, служащаго ему добычей, такъ какъ здѣсь каждая ошибка могла быть роковой.

Изъ сказаннаго становится понятнымъ, почему уже кроликъ имѣетъ въ своемъ слуховомъ органѣ 7.800 слуховыхъ клѣточекъ, что указываетъ на удивительную тонкость его слуха. Допуская даже, что не каждая изъ этихъ 7.800 слуховыхъ клѣточекъ способна воспринимать звуки, все-таки остается удивительное количество звуковыхъ чувствованій, принимая во вниманіе, что наши рояли заключаютъ въ себѣ лишь около 80 различныхъ музыкальных звуковъ.

Приведенные факты устанавливаютъ нижеслѣдующее заключеніе: *способность воспринимать музыкальные звуки у человека явилась побочною, дополнительною способностью слуха вообще, — способностью, говоритъ Вейсманнъ (стр. 493), случайной и не предумышленной, какъ явилась способность нашихъ рукъ, наприм., къ исполненію техническихъ трудностей въ игрѣ артиста.*

Нашъ слуховой органъ, выработанный путемъ борьбы за существованіе, устроенный такъ, что онъ даетъ намъ возможность улавливать многія тысячи звуковъ, — оказался, *между прочимъ* способнымъ улавливать, сравнительно говоря, и ничтожное количество музыкальных звуковъ.

Итакъ, стало-быть, способность воспринимать музыкальные звуки получила свое начало раньше, чѣмъ возникла *членораздѣльная рѣчь*. Это доказывается не только тѣмъ, что извѣстна одна изъ антропоморфныхъ обезьянъ (именно гиббоновъ) способная, по свидѣтельству Дарвина, производить, а стало быть, и воспринимать какъ разъ октаву музыкальных звуковъ, восходя и нисходя черезъ всю скалу полутонами, но и тѣмъ еще, что у дѣтей способность издавать музыкальные звуки обнаруживается ранѣе способности къ членораздѣльной рѣчи.

Къ сказанному остается добавить, что въ головномъ мозгу, — какъ это въ настоящее время можетъ считаться научно

установленнымъ,—существуетъ опредѣленный отдѣлъ, заведующій воспріятіемъ и переработкою музыкальных звуковъ, который рѣшительно не зависитъ отъ аппарата рѣчи *). А изъ этого въ свою очередь слѣдуетъ, что музыкальный аппаратъ человѣка составляетъ лишь побочную и незначительную часть того цѣлаго, которое мы называемъ органомъ слуха, что онъ выработался какъ составная часть этого цѣлаго въ ряду съ другими способностями слуховаго аппарата лишь путемъ естественнаго *подбора* и преслѣдуя *полезныя цѣли*; онъ не представляетъ собою какого-либо новаго, не встрѣчающагося у животныхъ явленія, и первобытный человѣкъ, стоящій на еще несравненно болѣе низкой степени культуры, чѣмъ на какой стоятъ современные намъ дикари, долженъ былъ обладать такимъ же воспринимавшимъ звуки музыкальнымъ аппаратомъ, какимъ обладаетъ и цивилизованный европеецъ.

Какъ ни кажется парадоксальнымъ этотъ выводъ, являющійся прямымъ слѣдствіемъ указанныхъ выше соображеній, но факты, лежащіе въ его основаніи, дѣлають его столь же прочно установленнымъ, какъ и всякое другое научное положеніе.

Вотъ нѣкоторые изъ этихъ фактовъ.

Негры, какъ извѣстно, не занимають высокой ступени налѣстницѣ человѣческой культуры; ихъ родная музыка не можетъ быть названа музыкой въ томъ смыслѣ, въ какомъ ее понимаетъ европеецъ, и между тѣмъ Бриндисъ И Саласъ (Brindis y Salas)—негръ острова Кубы—обѣзжалъ въ свое время Америку и Европу какъ виртуозъ на скрипкѣ. Онъ

*) Это обстоятельство устанавливается цѣлымъ рядомъ изслѣдованій, удостоверяющихъ, что больные съ полной афазіей сохраняють способность пѣть разныя пѣсни. Такъ, Lasègue описываетъ субъекта, который потерялъ способность и говорить, и писать, но сохранилъ способность пѣть. Еще болѣе интересный фактъ сообщаетъ Finkelnburg (Nièdertheim Arch. génér. de Médéc. 1872), наблюдавшій больного афазіей скрипача, который потерялъ память словъ, потерялъ способность читать и играть по нотамъ, но по слуху игралъ довольно легко. Число такихъ и подобныхъ случаевъ, можно было бы привести десятками, если не сотнями.